

ПЕТР ЛЮКИМСОН

ЦАРЬ ДАВИД

Петр Люкимсон

Царь Давид

«Автор»

Люкимсон П. Е.

Царь Давид / П. Е. Люкимсон — «Автор»,

«Как ни странно это прозвучит, но нет ничего проще, чем написать исторический или псевдоисторический роман о царе Давиде. Да, художественный уровень этого романа будет зависеть от степени таланта автора, но все сюжетные перипетии и характеры героев в нем вполне предсказуемы. Да и даже если автор захочет продемонстрировать силу своего воображения и решит написать такой роман в жанре фэнтези, он все равно вольно или невольно останется привязанным к Библии – этой «Книге Книг», влекущей к себе все новых своих читателей, независимо от того, верят они в Бога или нет. В сущности, рассказываемая Библией история жизни царя Давида и есть такой роман, причем написанный рукой гениального мастера или группы соавторов. Если бы это было иначе; если бы Библия несла в себе только некие религиозно-философские идеи и исторические сведения, не захватывая при этом сердца читателя, то она бы никогда не сыграла такой огромной роли в истории человечества. Так что с романом о царе Давиде все более-менее ясно...»

© Люкимсон П. Е.

© Автор

Содержание

Предисловие	5
Часть 1. Арфа и Меч	9
Глава 1. Изгой	9
Глава 2. Певец	19
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Петр Люкимсон

Царь Давид

Предисловие

Как ни странно это прозвучит, но нет ничего проще, чем написать исторический или псевдоисторический роман о царе Давиде. Да, художественный уровень этого романа будет зависеть от степени таланта автора, но все сюжетные перипетии и характеры героев в нем вполне предсказуемы. Да и даже если автор захочет продемонстрировать силу своего воображения и решит написать такой роман в жанре фэнтези, он все равно вольно или невольно останется привязанным к Библии – этой «Книге Книг», влекущей к себе все новых своих читателей, независимо от того, верят они в Бога или нет.

В сущности, рассказываемая Библией история жизни царя Давида и есть такой роман, причем написанный рукой гениального мастера или группы соавторов. Если бы это было иначе; если бы Библия несла в себе только некие религиозно-философские идеи и исторические сведения, не захватывая при этом сердца читателя, то она бы никогда не сыграла такой огромной роли в истории человечества.

Так что с романом о царе Давиде все более-менее ясно...

Совсем иное дело – попытка создать сколько-нибудь научную биографию царя Давида – фигуры, столь много значащей для каждого верующего иудея, христианина, да и мусульманина; великого воина и государственного деятеля, а также, вне сомнения, самого популярного поэта всех времен и народов, ибо трудно найти язык, на который не были бы переведены написанные им псалмы, а их суммарный тираж не поддается исчислению, но явно больше общего тиража всех полных изданий Библии.

Прежде всего, автор такой биографии царя Давида неминуемо сталкивается с научной школой, утверждающей, что, подобно Аврааму, Исааку, Иакову Моисею и Иисусу Навину, первые цари Израиля Саул, Давид и Соломон «родились на страницах Библии», то есть являются вымышленными, сказочными персонажами.

Надо сказать, что историков, придерживающихся версии о том, что этих царей никогда не существовало, сегодня немного. Куда меньше, чем, скажем, тех, кто высказывает подобную точку зрения по отношению к еврейским праотцам и пророку Моисею. Но они есть, в их суждениях имеется своя логика, и нельзя взять и просто проигнорировать их аргументы.

Главным доводом в пользу своей точки зрения сторонники этой школы долго приводили тот факт, что у нас, кроме самой Библии, нет никаких других письменных источников и археологических памятников, которые подтверждали бы реальность существования царей Саула, Давида и Соломона. В 1994 году первый такой памятник вроде бы появился – им стала стела из Тель-Дана, на которой арамейский правитель утверждает, что он «уничтожил семьдесят царей, которые снарядили против него тысячи колесниц и тысячи всадников. И я убил царя израиля Иорама, сына Ахавы, и царя из Дома Давидова Ахизияху, сына Иорамы».

Но на этом, как отмечает американский исследователь Эрик Кляйн, все и заканчивается. Больше никаких записей и свидетельств, в которых упоминались бы Давид или Соломон нет. Все же постройки, которые археологи связывают с царем Давидом, датируются не X, а IX или даже VIII вв. до н. э. Порочность метода многих археологов, работающих сегодня в Израиле, отмечает проф. Кляйн, заключается в том, что они нередко датируют свои находки, сверяясь с отрывками из Библии. Но цель библейской археологии, справедливо пишет он далее,

не состоит в том, чтобы доказать или опровергнуть данные Библии. Археологи должны заниматься изучением культуры и истории Святой Земли, которая существовала на самом деле¹.

Но в том-то и дело, что никаких археологических находок, которые поставили бы под сомнение историческую достоверность основных из описываемых в Библии событий, тоже до сих пор не найдено. Зато все новые и новые находки, наоборот, подтверждают аутентичность Библии и правдивость изложенных в ней событий. Подтверждают эти находки, как увидит читатель далее, и историческую реальность фигуры царя Давида. Что же касается эпохи, в которой он жил, то это, как говорится, отдельный вопрос, и нам еще предстоит попытаться разобраться.

Ну и, безусловно, довод о том, что, если нет никаких других доказательств, то Библии нельзя доверять, доказывает лишь предвзятость тех, кто его выдвигает. В конце концов, так мы можем договориться и до того, что если у нас нет на руках никаких артефактов, подтверждающих те или иные события, изложенные в средневековых хрониках или русских летописях, то этих событий никогда не было и все они от начала и до конца придуманы. А когда завтра такие артефакты найдутся, заявлять, что они еще ничего не доказывают, так как ранее уже было доказано, что этих событий не было. И, двигаясь в этом направлении и дальше, мы очень быстро окажемся в числе приверженцев псевдоученых вроде Фоменко.

Но, повторим, историки, отрицающие историчность фигуры царя Давида, уже давно находятся в «подавляющем меньшинстве». С начала XX века трудно найти серьезный учебник или монографию по истории Древнего Ближнего Востока, в которой не содержалась хотя бы одна небольшая глава, рассказывающая о царях Давиде и Сауле и создании ими первого еврейского государства. Обычно в этих трудах признается роль Давида как царя, объединившего разрозненные еврейские племена, завоевавшего Иерусалим и превратившего его в политическую и религиозную столицу государства, а также расширившего размеры своей поначалу очень небольшой державы за счет завоевательных войн против соседних народов.

Но ведь лишь этим значение личности и наследия Давида, его влияния на судьбу своего народа и всего человечества не исчерпывается! Не только его военные победы и государственная мудрость, и даже не только написанные им гениальные поэтические гимны, но и сама частная жизнь царя Давида давно стала достоянием истории. И жизнь эта так богата событиями, так насыщена, что, безусловно, заслуживает отдельного рассказа и самого пристального изучения.

Более того – история жизни царя Давида предстает еще куда более сложной и драматичной, когда начинаешь знакомиться с мидрашами – устными еврейскими преданиями, призванными уточнить и дополнить те или иные страницы Книги Книг, а также с комментариями Священного писания различных авторов и трудами историков и теологов, посвященных царю Давиду.

Эта книга представляет собой попытку воссоздать историю жизни великого царя и псалмопевца, впервые сведя вместе все эти источники и подвергнув их критическому анализу. Как следствие, даже хорошо знакомому с Библией читателю при прочтении этой книги предстоит несколько иначе взглянуть на известные ему события и на саму личность Давида, и, смею надеяться, открыть для себя много нового. В том числе, и не самого лицеприятного для главного героя книги. Однако автор убежден, что все это не только не умаляет, но и, наоборот, еще больше подчеркивает величие Давида, подлинно гигантский масштаб его гения и крайне противоречивой, а потому и необычайно интересной личности.

¹ См. Eric Kline. Biblical Archaeology: A Very Short Introduction, Oxford, 2009.

* * *

Уже в ходе работы над этой книгой перед автором встал целый ряд чисто «технических» вопросов. И первый из них заключался в том, как... титуловать Давида, да и всех остальных еврейских монархов.

Как известно, русская переводческая традиция издревле переводила ивритское слово «мелех» как «царь», и все израильские самодержцы не только в Библии, но и в научных текстах называются в силу этой традиции «царями». Однако на английский язык слово «мелех» всегда переводилось как «king» – «король», и в 90-х годах XX века, в основном, среди русскоязычных авторов, работающих за пределами России, стало принято использовать именно это слово, то есть называть Саула, Давида, Соломона и всех прочих «королями».

«Слово «царь» пришло в русский язык с латынью, с именем императора Юлия Цезаря. Царями именовались прежде всего монархи, правители державы – самодержцы... За что была оказана первыми переводчиками Библии такая честь Шаулу и Давиду – не знаю, но термин этот явно не подходит к небольшому государству Шаула, Давида, Шломо...

Поэтому я предпочел слова «король», «королевство», оставив «царство» для Святой земли, но не для смертных ее правителей: Царство Божье. Да ведь и на современном Ближнем Востоке нет царств, нет царей, а есть короли – саудовский, иорданский, король Марокко – так они и называются в газетах»², – объяснял инициатор этого новшества Давид Малкин.

Ну что ж, формально он был, безусловно, прав. «Царь» – этот от латинского «цезарь», «кесарь», то есть император, а масштабы еврейского государства на империю никогда не тянули – разве что на королевство, да и то маленькое. И все же, подумав, автор решил придерживаться устоявшейся в русском языке традиции, ибо традиция в итоге всегда оказывается сильнее самой железной логики. Поэтому Саул, Давид и Соломон именуются в этой книге царями, а древнее еврейское государство именно царством, а не королевством.

Еще большие сложности возникли с именами действующих героев книги, географическими названиями и т. д. Дело в том, что в силу различия в фонетике русского и иврита, а также из-за того, что буквы «каф», «пэй» и «шин» обозначают в иврите сразу два звука, то и звучание имен собственных при переводе зачастую не совпадают: Шаул превращается в Саула, Шломо – в Соломона, Шмуэль – в Самуила, филистимляне – сначала в филистимлян, а затем и вообще палестинцев и т. д. Это несовпадение усилилось существованием в дореформенном русском алфавите буквы «фита», обозначавшей промежуточный звук между «т» и «ф». В результате, в принципе, хорошо знакомые и используемые русским читателем в обиходе ивритские имена Тамар (Тамара), Натан, Йонатан и др. стали читаться в Синодальном переводе, как Фамарь, Нафан, Ионафан...

Автор книги дает имена всех героев в той транскрипции, в которой они приведены в синодальном переводе, однако, когда они упоминаются впервые, приводит в скобках и их оригинальное звучание.

И все же наибольшую сложность представлял вопрос, какой именно перевод Библии на русский язык цитировать в тексте. Конечно, заманчиво было бы воспользоваться знакомым читателю Синодальным переводом, но, к сожалению, это оказалось невозможным.

Во-первых, потому что в этом переводе, увы, есть неточности, а во-вторых, так как в книге порой цитируются немецкие и английские источники, а перевод Библии на английский язык, сделанный с латинской Вульгаты, в отличие от Синодального, сделанного с греческой Септуагинты, в точности повторяет структуру еврейского ТАНАХа, который у христиан принято называть «Ветхим Заветом».

² Давид Малкин. Король Шаул. Книга Первая. Из-во Гешер-Алия. с.5. (год издания не указан).

Поэтому в итоге автор решил пользоваться считающимся более точным переводом Давида Иосифона, стремящимся, помимо прочего, передать и фонетику оригинала. Однако и перевод Иосифона, как увидит читатель, далеко не всегда точен и порой автору приходится в книге приводить собственный подстрочный перевод библейского текста. Впрочем, язык ТАНАХа при всей его внешней простоте так лаконичен и многозначен одновременно, что дать его адекватный, передающий все оттенки смысла перевод на какой-либо другой язык практически невозможно.

Но в связи с использованием перевода Иосифона неминуемо возникла и проблема ссылок на цитаты. Как уже было сказано, авторы Синодального перевода Ветхого Завета несколько поменяли структуру и оригинальные названия его книг. Как известно, основные сведения о жизни и деятельности Давида содержатся в четырех книгах Библии – первой и второй «Книгах пророка Самуила», первой «Книге Царств» и в первой книге «Диврей айамим», что буквально означает «Слова дней» и обычно переводится либо как «Деяния дней», либо как «Летопись дней», либо как «Книга Хроник». В этой книге автор решил воспользоваться именно последним названием. Соответственно, ссылки на 1-ую и 2-ую «Книги Самуила» обозначаются как «См. 1» и «См. 2» – и далее идет указание главы и строки; ссылки на 1-ую «Книгу Царств» обозначаются, как «Цар. 1», а на 1-ую «Книгу хроник» как «КХ., 1».

При этом следует помнить, что 1-й и 2-ой «Книгам Самуила» соответствуют 1-ая и 2-ая книги Царств в Синодальном переводе, а 1-ой книге Царств в ТАНАХе соответствует 3-я книга Царств в его Синодальном переводе.

Наконец, последнюю проблему представляло собой цитирование псалмов Давида, большинство из которых написано в связи с тем или иным конкретным событием его жизни. Автор признается, что у него был соблазн использовать поэтические переводы этих псалмов, выполненные различными русскими или еврейскими поэтами. Однако в итоге он пришел к выводу, что ни один из этих переводов, увы, не отражает всей глубины и мощи оригинальных текстов. Отказался он – опять-таки из-за множества неточностей – и от цитирования Синодального перевода, а также перевода псалмов Д. Иосифона. В итоге все псалмы в книге цитируются в переводе Александра Каца³. Они близки к подстрочнику, вследствие чего их текст нередко утрачивает свою поэтичность, но зато достаточно (хотя опять-таки не идеально!) точны. Так как разбивка «Псалмов» в оригинале и в Синодальном переводе несколько отличаются друг от друга, то в книге приводится порядковый номер псалма в оригинале, а рядом в скобках – его номер в Синодальном переводе.

Вот, пожалуй, и все о «технических» трудностях. Сейчас вам предстоит встреча с удивительной, прекрасной, горькой и все еще остающейся во многом загадочной судьбой царя Давида, прямым потомком которого, если верить еврейским и христианским источникам, будет Мессия – спаситель и избавитель человечества. Что касается Корана, то его автор цитирует по переводу акад. И.Ю.Крачковского⁴.

³ По изданию: Теилим (Псалмы) с избранными комментариями Раши, Радака, Сфорно, Мальбима, Альшиха, Мецудот и многих других древних и современных еврейских мудрецов. Швут Ами, И-м, 2003.

⁴ Коран. Перевод И.Ю. Крачковского. М., ИКПА, 1990.

Часть 1. Арфа и Меч

Глава 1. Изгой

История рождения великих царей древнего мира обычно представляет собой красивую, хотя и не вызывающую особого доверия легенду. Чтобы убедиться в этом, достаточно пролистать страницы древних эпосов и сказаний, а также сочинения Геродота или Плутарха. Но если это верно по отношению к царям древних Месопотамии, Греции и Рима, то вроде бы должно быть тем более верно по отношению к Давиду – основателю династии, с которой иудаизм и христианство связывают не только прошлое, но и будущее человечества.

Вместе с тем история рождения будущего великого монарха, полководца и поэта, в том виде, в каком она рассказывается в еврейских источниках, начисто лишена каких-либо фантастических подробностей. Что, впрочем, объяснимо – само монотеистическое мировоззрение, на котором базируется иудаизм, не оставляет места для возникновения столь распространенного у народов древности мифа о зачатии будущего царя от какого-либо бога или другого высшего существа. Однако отсутствие такого мифа отнюдь не означает, что в истории появления на свет Давида нет никаких загадок. Напротив – загадок и тайн здесь более, чем предостаточно.

Начнем с того, что многие библеисты и историки обращают внимание на то, что авторы «Книги Самуила», вопреки сложившейся в древнееврейской литературе традиции, словно намеренно уходят от изложения подробной родословной Давида.

В отношении царя Саула (Шауля) они эту традицию соблюдают: «И был некто из вениамитян, имя его Киш, сын Авиела, сына Церора, сына Бехорота, сына Афиаха, сына одного Вениамина, муж доблестный. А у него был сын, имя его Шаул, молодой и красивый...» (См. 1, 9:1-2). Здесь, как видим, вся родословная Саула перед нами как на ладони – от его отца Киша и до основоположника колена, сына праотца Иакова Вениамина.

Однако когда заходит речь о Давиде, правила игры почему-то меняются. С одной стороны, вот как Бог дает пророку Самуилу (Шмуэлю) указание помазать на царство Давида после того, как Он решил, что Саул и его потомки не подходят для этой роли:

«И сказал Господь Шмуэлю: доколе будешь ты скорбеть о Шауле? Я же признал его недостойным царствовать над Израилем. Наполни рог твой елеем и ступай – пошлю Я тебя к Ишаю Бейт-Лехемскому, ибо между сыновьями его усмотрел Я Себе царя...» (См. 1, 16:1).

Из самой краткости этого указания следует, что Иесей (Ишай) из Вифлеема (Бейт-Лехема) – человек достаточно знатный и известный в народе, так что Богу достаточно лишь назвать его имя, и Самуил уже знает, к кому именно ему следует идти.

Но вот дальше описывается, на первый взгляд, более чем странная сцена помазания Давида в будущие цари Израиля:

«И сделал Шмуэль то, что сказал Господь, и пришел в Бейт-Лехем; и поспешили к нему старейшины города, и сказали: мир приходу твоему! И сказал он: мир! Пришел я принести жертву Господу; приготовьтесь и приходите со мной на жертвоприношение. И подготовил он Ишая и сыновей его, и пригласил их на жертвоприношение. И было, когда они пришли, увидел он Элиава и сказал: верно, этот пред Господом помазанник Его. Но Господь сказал Шмуэлю: не смотри на вид его и на высокий рост его, ибо Я отверг его: ведь суть не в том, что видит человек, ибо человек видит глазами, а Господь видит то, что в сердце. И позвал Ишай Авинадава и провел его пред Шмуэлем, и сказал тот: и этого не избрал Господь. И провел пред ним Ишай Шамму, и сказал тот: и этого не избрал Господь. И провел Ишай семерых сыновей своих перед Шмуэлем, но Шмуэль сказал Ишаю: не избрал этих Господь. И сказал Шмуэль Ишаю: нет больше отроков? И сказал тот: еще остался меньший, вот он пасет овец. И сказал Шмуэль

Ишаю: пошли за ним и приведи его сюда, ибо мы не сядем за трапезу, пока он не придет сюда. И послал тот, и привели его. А он был румяный, с красивыми глазами и миловидный. И сказал Господь: встань, помажь его, ибо это он. И взял Шмуэль рог с елеем, и помазал его среди братьев его, и снисходил дух Господень на Давида с того дня и позже. И встал Шмуэль, и пошел в Раму...» (См. 1, 16:1-14).

Мы еще вернемся к этой сцене, расцвеченной устными еврейскими преданиями и детально проанализированной комментаторами Писания и библеистами. Однако даже при первом, поверхностном ее прочтении читателю не может не броситься в глаза, что, во-первых, авторы по окончании сцены помазания не останавливаются, чтобы перечислить всех предков Давида от праотца Авраама до Ишая-Иесея, а во-вторых, сам Исей явно не числит своего младшего сына любимым и как будто стесняется его. И для того, чтобы объяснить это поведение отца будущего величайшего царя еврейского народа, следует обратиться к истокам его родословной в том виде, в каком ее рассказывают и письменные источники, и народные предания...

* * *

Талмуд рассказывает поэтическую легенду, связывающую историю рождения Давида с первым человеком Адамом. Когда Адам и Ева поели плодов с Древа Познания Добра и Зла, они, согласно библейскому рассказу, стали смертны, но Всевышний определил продолжительность их жизни в одну тысячу лет. Однако прежде, чем изгнать их из рая, Бог провел перед мысленным взором Адама души всех его потомков, которым предстояло родиться на протяжении истории человечества. Неожиданно среди этих душ Адам заметил одну, сиявшую ослепительно ярким светом, но погасшую, едва успев загореться.

– Владыка мира! – воскликнул Адам. – Скажи, что это была за душа?

– О, это и впрямь великая душа, которая будет спущена на землю из самых высших миров, однако ей дано будет побыть в материальном мире только три часа – спустя это время после своего рождения ребенок, в теле которого будет она послана, умрет.

– Владыка мира! – сказал Адам. – Могу ли я делать подарки и распоряжаться своей жизнью так, как считаю нужным?

– Можешь! – ответил Бог.

– Тогда я хотел бы подарить 70 лет из отпущенной мне жизни этому ребенку, чтобы он смог осветить землю своим светом! – произнес Адам.

– Да будет так! – откликнулся Господь.

Именно поэтому, продолжает Талмуд, Адам прожил не 1000, а «всего» 930 лет, а Давид – ровно 70 лет. Мидраш добавляет к этому рассказу, что когда Адаму исполнилось 929 лет, он пожалел о сделанном им подарке (ибо человек жаден до жизни!) и заявил Господу, что хочет отказаться от своего дара и прожить еще 70 лет, однако Бог заявил, что это невозможно. На самом деле, поясняет мидраш, Всевышний, конечно, предвидел, что Адам отдаст 70 лет своей жизни Давиду, и сама эта затея с «подарком» была нужна Ему, чтобы до времени скрыть от Сатаны, когда именно Он приведет в мир человека, от которого произойдет Мессия.

Последователи тайного еврейского мистического учения – каббалы – утверждают, в свою очередь, что 70 лет жизни подарили царю Давиду праотцы еврейского народа – Авраам, Иаков и Иосиф. При этом они исходят из принятого в иудаизме утверждения, что обычно каждый мужчина проживает столько же, сколько его отец.

Авраам, говорится в каббалистической книге «Ор ха-хама» («Свет Солнца»), исходя из этого, должен был прожить 180 лет, но прожил «только» 175 – 5 лет своей жизни он «подарил» Давиду. Исаак решил Давиду ничего не дарить, а вот Иаков вместо «положенных» ему 175 лет прожил 147 – и «подарил» Давиду 28 лет. Наконец, Иосиф должен был прожить, как его отец

Иаков, 147 лет, но прожил 110, «подарив» Давиду еще 37 лет. 5, 28 и 37 вместе образуют те 70 лет, которые были отпущены Свыше будущему второму царю Израиля.

Само родословное древо Давида берет свое начало от отца праотца Авраама Фарры (Тераха), дальше по отцовской линии идет к трем праотцам еврейского народа Аврааму, Исааку и Иакову, от Иакова – к его четвертому сыну Иуде (Иегуде). После того, как первые три сына Иуды умерли, его невестка Фамарь (Тамар), притворившись блудницей, соблазнила свекра и родила ему с помощью этого обмана двух сыновей – Фареса (Переца) и Зару (Зераха). Далее «Первая книга Хроник», написанная много позже «Книги Самуила» и являющаяся чем-то вроде попытки историографии еврейских царей, приводит тщательно выверенную, официальную родословную царя Давида от сына Иуды Переца: «Сыновья Переца: Хецрон и Хамул... И сыновья Хецрона, которые родились у него: Иерахмиэль, и Рам, и Келувай. А Рам родил Аминадава, а Аминадав родил Нахшона, князя сыновей Иуды. А Нахшон родил Салму, и Салма родил Боаза, и Салма родил Боаза. И Боаз родил Оведа, а Рвед родил Ишая. И Ишай родил первенца своего Элиава и второго Авинадава, и третьего – Шиму, четвертого – Нетанэля, пятого Радаёа, шестого – Оцама, седьмого – Давида...» (КХ1, 2:5-13).

Здесь мы встречаем первое противоречие с «Книгой Самуила» – в ней Давид назван восьмым сыном, а в «Книге Хроник» – седьмым. Первое, но далеко не последнее.

Прямое происхождение от Иуды, который, будучи четвертым сыном Иакова, в итоге стал предводителем всех своих братьев и родоначальником самого большого колена, а также от судьи Боаза делало род Давида аристократическим и давало ему определенное право на власть. Но тут выясняется, что в жилах Давида текла, если рассуждать с чисто генетической точки зрения, отнюдь не только еврейская кровь. В случае с его прадедом Боазом его родословная делает как бы скачок в сторону и в ней появляется «моавитянка Руфь» (в оригинальном произношении – Рут).

Как рассказывается, в «Книге Руфь», когда в Иудее начался голод зажиточный житель Вифлеема Елимелех (Элимелех) вместе со своей женой Ноеминой (Наоми) и сыновьями Махлоном и Хилеоном (Килоном) перебрался в соседний Моав – страну, населенную родственными евреям моавитянами, потомками племянника Авраама Лота. В Моаве сыновья Елимелеха женились на дочерях местного царя Руфь (Рут) и Орфе (Орпе). Затем Елимелех умер, а спустя еще десять лет скончались и оба его сына. Тогда вдова Елимелеха Ноемина (Наоми) решила вернуться на родину, в Иудею. Орфа и Руфь решили последовать за ней, но Ноемина стала уговаривать их остаться. В итоге Орфа послушалась совета бывшей свекрови, осталась на родине и вышла замуж за филистимлянина. Руфь же заявила, что последует повсюду за невесткой:

«Но сказала Рут: не проси меня покинуть тебя и уйти от тебя обратно, потому что куда ты пойдешь – поду и я, где ты заночуешь, там заночую и я. Твой народ – это мой народ, и твой Бог – мой Бог» (Руфь, 1:16).

Таким образом, Руфь объявила о своем желании присоединиться к еврейскому народу, и произнесла слова «твой Бог – мой Бог», по сути, совершила церемонию гиора – перехода в еврейство. Больше она со своей сестрой Орфой не встречалась. Но спустя много десятилетий ее правнуку Давиду предстояло встретиться со своим дальним родственником – правнуком Орпы филистимским богатырем Голиафом – на поле боя.

В Иудее после многих лишений Руфь, будучи образцом скромности и подлинной еврейской женщины, выходит по совету Ноемина замуж за судью Вооза (Боаза), и от этого брака рождается Овид (Овед) – отец Иессея и дед царя Давида.

Так причудливо переплетаются два родословных древа, берущих свое начало от Фарры – древо Нахора, отца Лота, и древо брата Нахора Авраама – праотца еврейского и арабского народов.

Но вот дальше и начинается самое интересное. Мидраш повествует, что отец Давида Иессей женился на Ницет дочери Адриэля и прижил с ней шестерых сыновей, когда его вдруг одолели сомнения в том, является ли он, будучи внуком моавитянки Руфь, «настоящим евреем»? Да, Руфь перешла в иудаизм, но был ли этот переход законным? Ведь «Пятикнижие Моисеево» гласит: «Не может войти моавитянин и аммонитянин в общество Господне; и десятому их поколению нельзя войти в общество Господне вовеки» (Второз., 23:4-5).

Иессей понял эти слова, как запрет на обращение в иудаизм всех моавитян и аммонитян и на вступление с ними в брак. Но если он был неевреем, то не имел права и вступать в брак с еврейкой. Поэтому Иессей, продолжает мидраш, «отдалился» от жены и не жил с ней в течение трех лет.

Вместе с тем он все еще оставался мужчиной в самом расцвете сил, и ему нужна была женщина. Да, он, по его собственному толкованию Закона, не имел права жениться на еврейке, но у него было право завести наложницу или рабыню-нееврейку, что он и сделал. Однако Ницет продолжала тосковать по мужу и договорилась с наложницей, что та разрешит ей на одну ночь подменить ее. И вот однажды ночью в полной темноте наложница вышла из комнаты Иессея, вместо нее вошла Ницет и затем, опять-таки в кромешной темноте, вышла от мужа.

В эту ночь и был зачат Давид, день рождения которого пришелся, согласно традиции, на Шавуот⁵ – праздник дарования Торы на горе Синай, обычно падающий на конец мая-начало июня. Разумеется, раввинистические авторитеты видят этом совпадении высокую символику, демонстрирующую нарзрывность связи между Богом, Торой и Давидом с его потомками.

Но так как Иессей в ту «украденную» Ницет ночь не почувствовал подмены, то, узнав о беременности жены, он и его сыновья пришли в ярость – они решили, что Ницет забеременела от блуда, а потому по еврейским законам заслуживает смертной казни. Однако, во-первых, устроить над Ницет публичный суд значило бы предать семейный скандал огласке, а этого ни Иессей, ни его дети не хотели. Во-вторых, Ницет клялась, что она невиновна и забеременела от мужа. И хотя наложница подтвердила этот ее рассказ, Иессей не знал, верить ему или нет; носит его жена во чреве его ребенка или «мамзера» – незаконнорожденного выродка?

Это, дескать, и определило его отношение к Давиду: Иессей не только не любил младшего сына, но и вообще не считал его своим, и с малых лет определил быть пастухом при стаде, так что Давид крайне редко появлялся в доме отца. Отношения Иессея к младшему сыну отчетливо видно и в сцене помазания. Самуил сообщает Иессею, что Бог избрал одного из его сыновей в качестве будущего царя, велит ему собрать всю семью, и Иессей исполняет это указание пророка, однако при этом... не включает в члены своей семьи Давида. Лишь когда Самуил говорит, что среди приведенных к нему сыновей Иессея нет избранника Божьего, и спрашивает, есть ли у того еще сыновья, тот нехотя «вспоминает» о Давиде и велит позвать его с пастбища...

Уже после помазания Давида Самуил объясняет Иессею, что Давид является его законным сыном, а все его сомнения относительно того, является ли он евреем, безосновательны: запрет на приобщение к еврейству моавитян и аммонитян распространяется только на мужчин из этого народа, но не касается женщин, ибо сказано «Не может войти моавитянин и аммонитянин в общество Господне», а не «моавитянка и аммонитянка».

На этих же мидрашах явно основано и еще более «благочинное» христианское апокрифическое «Сказание о царе Давиде»⁶:

«Слово о Давиде, царе и пророке Господнем, как родился и как воцарился. Был Иессей человеком на редкость сильным и мужественным, в сердце своем предан Богу и служил Богу

⁵ В русской православной традиции – Пятидесятница.

⁶ «Сказания о царе Давиде» – Библиотека Гумер – Апокрифы. http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/apokrif/Skaz_David.php

усердно. И с женою своею Иезавелью родил он 8 сыновей. И положили они совет между собою, чтобы отступиться им друг от друга и больше не сочетаться в плотском союзе. И Иезавель призвала слугу, которого держал Иессей в милости, по имени Андрей, и сказала ему: «Если будешь хранить господина своего усердно, дам тебе богатые подарки, а если он потребует женщину, извести меня, не скрой этого от меня ни в коем случае». Андрей обещал: «Да будет по слову твоему». И так держали свой обет Иессей и Иезавель 12 лет. Но в один из дней сказал Иессей рабу своему Андрею: «Найди мне женщину, ибо хочет сердце мое женщину». Ответил Андрей: «Господин, знаю я красивую женщину, но она далеко отсюда»; не был Иессей в это время в доме своем, а на селе, далеко от дома. И сказал ему: «Иди, приведи мне ее». И дал ему золото. Он же пошел к Иезавели, госпоже своей, и поведал ей все. Она же пришла ночью, и совокупился с ней Иессей, не узнав жены своей. И тогда зачала она младенца, и родила, и дала имя ему Давид, по-еврейски – «украден». И не узнал Иессей об этом, и в тайне воспитала его. Когда минуло Давиду шесть лет, отвела его к овцам и передала овечьим пастухам. А кто он родом, не ведал никто. И вырос он кротким и смиренным, и разумом своим постиг игру на всяких инструментах – на тимпанах, на органах, и научился всем песням. И когда принимался он играть, овцы и волы и все животные скакали. И послал Господь пророка своего, чтобы возлил елей на главу Давида в знак того, что воцарится род Авраама. Пророк Дафан пришел в дом Иессея и сказал ему: «Приведи сыновей своих, и я отмечу их печатью». Иессей привел 8 сыновей своих. Пророк Дафан сказал: «Нет здесь сына твоего, которого требует Господь». Иессей взмолился: «Господин, нет у меня других детей, только эти». Пророк стоял на своем, Иессей был в отчаянии. Жена же его, Иезавель, придя, открыла мужу своему Иессею правду и сказала: «Он сын наш, но не смела поведать тебе, боясь, что ты примешь слова мои за обман». И приказал Иессей привести Давида. Когда увидел пророк Давида, возликовал. И вылил елей на главу его, и дал ему печать. И сказал ему: «Благословит тебя Господь и благословенно будет имя твое, и не погибнешь во веки. Племя твое воздвигнет престол херувимам, а дочь твоя будет выше херувимов». Иессей же удивился, услышав, и сказал: «Откуда он возьмет это величие? Он научен только пасти овец». С тем и удалился пророк...

* * *

Здесь неминуемо возникает вопрос о том, насколько правдивы эти легенды о происхождении царя Давида и кому и для чего их вообще потребовалось сочинять – ведь куда выгоднее было бы придумать более благообразную историю о рождении родоначальника царской династии...

У исследователей Библии почти нет сомнения, что «Книга Руфь», представляющая собой гениальную художественную новеллу, была написана в V в. до н. э., в период возвращения евреев на родину из Вавилонского пленения. В это время тогдашние лидеры еврейского народа Ездра (Эзра) и Неемия (Нехемия), опасаясь ассимиляции своих соплеменников среди окружающих народов, начали бескомпромиссную борьбу со смешанными браками и велели еврейским мужчинам развестись и изгнать жен-неевреек. И «Книга Руфь» стала своеобразным художественным ответом неизвестного гениального еврейского прозаика-оппозиционера Ездры на этот указ.

«Эта, на первый взгляд, непритязательная история в действительности содержала большой полемический заряд, – писал М. И. Рижский. – Какова главная идея, вдохновившая автора Книги Руфь?

Автор, подчеркивая иноземное происхождение своей героини, явно стремился показать, что иноземные женщины не обязательно представляли собой опасность и проклятие для израильской семьи; что среди иноплеменниц есть такие, которые не только признают Яхве своим богом и Израиль своим народом, но и поступают столь благочестиво и благородно, что заслужи-

вают признания родственников-израильтян, одобрения всего народа и благословения самого Яхве. Ведь Яхве предопределил, чтобы именно иноземка Руфь стала праmaterью царя Давида, от которого произойдет и сам будущий мессия».⁷

Однако наряду с этой версией имеет право на существование и другая, согласно которой и «Книга Руфь», и легенда о зачатии Давида родились как ответ на попытки поставить под сомнение само право Давида и его потомков на царский трон.

На страницах этой книги еще будет рассказано о той борьбе за власть, которая развернулась после гибели царя Саула между сыном последнего Иевосфеем и Давидом. Не исключено, что в ходе этой борьбы противники Давида могли бы развернуть то, что сегодня бы наверняка назвали бы мощной и продуманной «пиар-компанией». К примеру, они могли напомнить народу, что в «Пятикнижии» сказано «поставь над собой царя, которого изберет Господь, Бог твой, из среды братьев твоих поставь над собою царя, не можешь поставить над собой чужеземца» (Второз., 17:15), а вслед за этим шло и напоминание о том, что Давид является правнуком моавитянки, а не еврейки, а значит, «чужеземцем».

– Да, – отвечали на это сторонники Давида, – его прабабка была моавитянкой, но она перешла в иудаизм и соблюдала наши законы с куда большим благочестием, чем иные еврейки. А потому Давид – еврей, он наш, плоть от плоти!

– Но разве не сказано «Не может войти моавитянин и аммонитянин в общество Господне; и десятому их поколению нельзя войти в общество Господне вовеки»? – вопрошали их оппоненты.

– Сказано «моавитянин и аммонитянин», но не «моавитянка и аммонитянка»! – следовал ответ. – Мы не имеем права принимать в свою среду мужчин из этих народов, так как именно мужчины не хотели пропустить через свою территорию введомых Моисеем евреев. Но гиюр женщин-моавитянок и аммонитянок разрешен, а браки с ними законны!

Тогда в ход пускался другой, куда более страшный слух – о том, что Давид вообще «мамзер», незаконнорожденный, прижитый его матерью от любовника, а такой человек, согласно еврейской традиции, не только не может быть царем, но и поражен во многих правах – в частности, не может сочетаться браком с еврейкой, наследовать отцу и т. д.

Ответом на эти слухи и был рассказ, как Иессей отдалился от жены, и как та договорилась с его наложницей, что та даст ей возможность провести ночь с мужем...

И все же самую любопытную, спорную и вместе с тем вполне логичную версию по поводу всех этих легенд о рождении царя Давида выдвигает израильский историк Яир Закович.

Анализируя текст Библии, Закович приходит к выводу, что эти легенды представляют собой, по сути дела, реминесценции известных сюжетов «Пятикнижия». К примеру, история о том, как Ницвеет обманом проникла на ложе мужа, очень напоминает и историю Рахили и Лии, обманувших Иакова, и историю Тамар, обманувшей Иуду. Одновременно Закович обращает внимание и на то, насколько пренебрежительно братья обращаются с Давидом, причем сохраняют этот стиль обращения, даже после того, как он помазан на царство – они никак не могут смириться с этой мыслью, принять ее.

Наконец, Закович акцентирует внимание читателя на том факте, что и отец, и братья упорно называют Давида либо «катан» (маленький, младший), либо «ноар» (отрок) – при том, что все вызывающие доверие хронологи утверждают, что Давиду во время помазания на царство было 25 или 28 лет – вполне солидный для того времени возраст.

«Но возраст тут и ни при чем, – поясняет Закович. – «Отроками» в Пятикнижии и других книгах Библии принято называть слуг, независимо от того, сколько им было лет: они обязаны прислуживать своему господину, как подросток обязан прислуживать отцу».

⁷ М.И. Рижский. Библейские пророки и библейские пророчества. М., Изд-во политической литературы, 1987, с. 280.

На основании этого Закович высказывает предположение, что у Иессея и в самом деле были две жены, или, скорее, одна жена и одна наложница, возможно, даже находившаяся в доме на положении рабыни. Первая родила ему семерых сыновей, оказавшихся обычными заурядными людьми. Наложница родила Иессею только одного сына, но этим сыном был Давид.

Эта гипотеза, считает Закович, помогает понять и то, почему братья с таким презрением относились к Давиду (а как еще они должны были относиться к сыну рабыни?!), и то, почему Давид долгое время был, по сути дела, слугой в доме своего отца (а кем еще должен быть сын служанки?!).

Задача придворных историографов Давида, по Заковичу, как раз и заключалась в том, чтобы скрыть это низкое происхождение царя и представить его таким же законным сыном Иессея, как и все остальные. Именно для этого и была на основе уже существующих «шаблонов» была придумана легенда о том, что матерью Давида была Ницет, обманом заплучившая семя мужа.

Отсюда же, считает Закович, проистекает путаница с числом сыновей Иессея: Давид был восьмым сыном, как это и написано в «Книге Самуила», однако авторам куда более поздней «Книги Хроник» было важно включить его в число семи законных сыновей, да и само число «7», будучи базовым в иудаизме, им, дескать, нравилось больше «восьмерки»⁸.

Этот мотив отверженности, того, что Давид чувствовал себя чужим в своей семье, не раз встречается и в его псалмах. Так, в 27-м псалме, заявляя о том, что он полностью полагается на Бога и потому не боится никаких своих врагов, Давид неожиданно роняет: «Ведь отец и мать оставили меня, а Господь приблизил к Себе» (Пс., 27:10), то есть Давид явно сравнивает себя с сиротой, которого оставили отец и мать и которого призрел и вырастил Бог. Именно так понимал эти слова р. Аха в своих комментариях на «Псалмы»:

«Так сказал Давид пред Господом: Владыка Вселенной! Ищай не намеревался создавать меня, он только удовлетворял свою страсть. И как только страсть была удовлетворена, отец отвернул лицо в одну сторону, а мать – в другую. Ты же собираешь каждую каплю семени...»⁹

В 69-м псалме Давид прямо говорит: «Ненавистным я стал для своих братьев и чужим для сыновей своей матери» (Пс., 69:9). «Ибо они думали, что он – мамзер, незаконнорожденный, зачатый замужней женщиной от блуда», – поясняет эти строки в своей книге «Сефер а-Тодаа» («Книга благодарений», в русском переводе – «Книга нашего наследия») р. Элиягу Китов.

Так же трактует комментарий «Мецудат Давид» и широко известную фразу из 118-го псалма – «Камень, который отвергли строители, стал во главу угла» (Пс., 118:22): Давид был отвергнутым Иессеем сыном. Более того, добавляет этот комментарий, Иессей не любил сына еще и потому, что тот казался ему хвастуном и фантазером – при встречах с отцом он начинал говорить, что когда вырастет, станет великим героем Израиля, разрушит города филистимлян, завоюет новые земли, построит Храм.

Иессей, поясняет «Мецудат Давид» далее, не мог понять, что младший и нелюбимый сын рассказывает ему свои пророческие сны¹⁰.

⁸ Яир Закович. Давид. От пастуха до мессии. Изд-во «Яд Ицхак Бен-Цви», И-м, 1995.

⁹ См. Теилим (Псалмы) с избранными комментариями. Из-во «Швут Ами», И-м, 2003, с. 101.

¹⁰ Стоит отметить, что Давид – не единственный герой Библии, прошедший путь от изгоя до вождя нации. Похожая биография была и у Иеффая (Ифтах), которого Библия называет «сыном блудницы» (Судьи, 11:1), хотя на самом деле его мать была наложницей, то есть гражданской женой отца. Будучи изгнанным из дома законными сыновьями отца, Иеффай стал главарем ватаги разбойников. Когда же на израильтян снова напали аммонитяне, старейшины Галаада упростили Иеффая встать во главе народной армии, а затем провозгласили его князем.

* * *

Все тот же Закович называет историю жизни царя Давида «мужским вариантом сказки о Золушке»: всеми унижаемый и понукаемый герой, младший и нелюбимый отцом сын, посланный на черные работы, в итоге попадает в царский дворец, а затем и становится царем.

Это замечание достаточно остроумно, однако следует помнить, что описываемые здесь события происходят в X в. до н. э., то есть даже не за столетия, а за тысячелетия до написания сказки о Золушке и рождения расхожих фольклорных сюжетов вроде сюжета о младшем сыне Иване-дураке, сделавшемся царем. Поэтому в данном случае правильнее говорить о влиянии библейского сюжета, проникшего через христианство в Западную и Восточную Европу и отразившегося в фольклоре ее народов, а не наоборот.

Как бы то ни было, все эти письменные и устные источники вполне позволяют воссоздать психологический портрет Давида, а также основные события первого периода его жизни – детства, юности и молодости.

Как уже было сказано, видимо, с самого раннего возраста Давид рос при стаде – сначала в качестве пастушка, помощника пастуха, затем – и самостоятельного пастуха, а, возможно, и главы небольшой пастушеской бригады. Сам Давид, чтобы развеять сомнения Саула в том, что он способен противостоять Голиафу, так вспоминает об этих годах своей жизни:

«И сказал Давид Шаулу: раб твой пас овец у отца своего, а когда приходил лев или медведь и отнимал отцу из стада, то я уходил за ним, и бил его и вырвал из пасти его, а если он бросался на меня, то я хватал его за космы и бил его, и убивал его» (См. 1, 17:34-35).

Лео Таксиль и многим другим пересмешникам Библии эти слова дают повод для дополнительных насмешек: вся сцена, в которой юный пастух догоняет льва или медведя, вырывает у них добычу, а если они огрызаются, то и убивает их, кажется им совершенно не реальной. Однако не следует забывать, что, во-первых, Давид во время этого разговора с Саулом не так уж и юн – как уже говорилось, по еврейской хронологии, в момент встречи с Саулом ему исполнилось 28 лет. Во-вторых, водившиеся в ту эпоху на Ближнем Востоке львы и медведи по своим размерам несколько уступали обычному африканскому льву и русскому медведю. Что, впрочем, никак не умаляет мужества человека, вступавшего с ними в схватку – это были в любом случае сильные и опасные звери.

Стоит отметить, что Давид говорит о своем занятии пастуха, не только не стыдясь этого, но и, скорее, гордясь данным обстоятельством. И это понятно: будучи скотоводческим народом, евреи не видели в профессии пастуха ничего постыдного. Пастухами были праотцы Авраам, Исаак и Иаков; пастушеством занимались евреи на первом этапе своей жизни в Египте; пастухом был пророк Моисей; выпасом скота занимались евреи после завоевания Ханаана, да и сам царь Саул до восшествия на престол и даже какое-то время после этого пас стада своего отца Киша.

Наоборот, все еврейские источники считают, что жизнь пастуха куда предпочтительнее жизни земледельца, и не случайно все великие пророки были именно пастухами. В отличие от земледельца, постоянно обрабатывающего землю и упирающегося в нее глазами, у пастуха есть возможность поднять голову и посмотреть на небо; у него больше свободного времени для размышлений и духовного развития, а сама жизнь на природе учит его воспринимать ее красоту, настраивает на поэтический лад и, вместе с тем, заставляет задуматься о том, как слаб человек и как всемогущ Бог, управляющий всеми природными стихиями.

Одновременно, профессия пастуха, безусловно, требует немалой физической силы, мужества, умения самостоятельно мыслить и быстро принимать решения, так как пастух нередко оказывается вдали от людского жилья наедине со всеми угрожающими стаду опасностями – разбойниками, дикими зверями, боезными, обвалами и т. д.

Еврейская традиция напрямую связывает и отношение пастуха к своему стаду с его способностью стать достойным лидером народа. Сам Бог с этой точки зрения объявляется «верным пастырем» избранного Им народа Израиля. «Нигде не проявляется человек так, как когда он оказывается в роли пастуха вверенного ему стада, – объясняет важность этого критерия Шуламит Гад в своей канонической биографии царя Давида. – Овцы беззащитны перед человеком. Оставшись с животными один на один, вдали от посторонних глаз, он может делать с ними все, что ему вздумается. Может, проявив равнодушие, бросить их на произвол судьбы, может дать волю сидящей в нем жестокости... То, что Давид тщательно заботился о своем стаде, защищал каждую его овцу, был готов пожертвовать жизнью и сразиться с опасным зверем ради ее спасения; никогда не позволял по отношению к животным ненужной жестокости, свидетельствовало о том, что он действительно может стать достойным царем, заботящимся о нуждах своего народа и защищающего его от всех врагов»¹¹.

С этой точки зрения становится понятным, почему мидраши представляют отношение Давида к своим овцам и козам в идиллическом и сентиментальном свете. Вот, к примеру, как звучат некоторые из этих мидрашей в пересказе рава Исраэля-Яакова Клепгольца:

«Юный Давид был необычайно красив лицом, умен и добр сердцем. Он рос без друзей, не зная любви со стороны братьев, пася скот своего отца в одиночестве и вдали от дома. К своему стаду он относился с любовью и милосердием, учитывая потребности каждого животного. Сначала он выпускал в поле только что родившихся козлят и ягнят, а также слабых и больных животных, чтобы они могли обглодать самую молодую, мягкую траву и листья кустарника. Затем он выпускал самых старых животных, которые ели траву и кустарники, которые не очень жесткие и не очень мягкие. И уже после этого Давид давал возможность приступить к самым молодым и сильным козлам и овнам, которые с легкостью ели самые жесткие кусты и траву. Увидел Владыка мира, как ведет себя Давид и воскликнул: «Если он умеет так ходить за стадом, то пусть придет и станет смотреть за Моим народом, и будет вождем и царем их, ибо они – возлюбленное стадо Мое»¹².

Далее, чтобы усилить впечатление о Давиде, как человеке необычном во всех отношениях, мидраш начинает приписывать ему совершенно фантастические подвиги – например, что однажды на стадо напали четыре льва и три медведя, и Давид прогнал их с помощью одного своего пастушеского посоха.

Другая забавная легенда повествует о том, как Давид вместе со своим стадом однажды взойшел на холм, который на самом деле оказался гигантским диким быком, решившим прилечь посреди поля. Вскоре бык проснулся, встал на ноги и Давид обнаружил себя и овец высоко над землей. Тогда он начал молить Бога о спасении, и Всевышний послал ему на помощь большого льва. Увидев царя зверей, бык преклонил перед ним колени, и Давид со своими овечками спустился на землю, но только для того, чтобы оказаться носом к носу с этим самым львом. Тот, наверняка растерзал бы Давида, если бы Бог не послал в это время на поле оленя. Увидев оленя, лев бросился за ним и забыл о Давиде...

Разумеется, те, кто рассказывал эту историю, понимал весь ее сказочный характер, но им важно было подчеркнуть в ней, что Давид всегда уповал на Бога и Бог всегда приходил ему на помощь.

Самозабвенная вера в Бога, стремление следовать Его заповедям, высокая, подчас экста- тическая религиозность, вне сомнения, была одной из неотъемлемых и важнейших черт личности царя Давида, сформировавшейся еще в детстве и отрочестве. Во всем происходящем

¹¹ Давид. История его жизни и испытаний и книга Псалмов с комментариями. Составитель и редактор Шуламит Гад. Тель-Авив, 2007. (ивр.)

¹² Собрание сказаний к книгам «Пророки» и «Писания». Собрал и отредактировал Исраэль Клепголец. Сифрей кодеш мишор. Бней-Брак, 1990, (ивр.).

мире он усматривал проявление Всевышнего и Его воли и, не уставая восхищаться красотой мира, вновь и вновь славил Бога за Его творение.

Именно так – «восхваление, прославление» – буквально переводится слово «теила», которое русская православная традиция обычно переводит как «псалом».

Видимо, еще подростком Давид научился играть на «невеле» и «киноре» – инструментах, напоминающих современные арфу и скрипку, и тогда же стал сочинять первые псалмы. Его виртуозная игра и зачаровывающие слушателей силой своих слов и музыки песни принесли ему известность среди земляков, однако мало способствовали сближению с ними Давида – устные предания подчеркивают, что его сторонились не только родственники, но и все жители Бейт-Лехема, убежденные, что с его рождением «что-то нечисто». В результате он дожил до 28 лет, так и не женившись и не познав женщину...

Но, думается, именно этот остракизм со стороны окружающего мира в итоге и сыграл решающую роль в формировании личности Давида и в его дальнейшей судьбе. Разносторонне одаренный, он не только не мог не чувствовать несправедливость такого отношения к себе, но и наверняка страстно мечтал о том, что придет час, когда он будет оценен по достоинству, и те, кто презирает его, признают его ум и таланты и склонятся перед ним ниц, как в свое время братья склонились перед Иосифом. Его глубокая вера в Бога и абсолютную справедливость Творца укрепляли его уверенность, что рано или поздно такой день обязательно наступит...

Да, это верно: на протяжении всей человеческой истории миллионы красивых и талантливых юношей и девушек думали, что они рождены для лучшей доли, что в них дремлют великие силы и рано или поздно их ждет слава, признание и обожание толпы, но лишь очень немногим удавалось осуществить эту мечту.

Давид оказался в числе тех счастливицов, кому это удалось. Более того – оставленный им след в истории оказался, возможно, в итоге даже куда ярче и величественней, чем он сам предполагал. Но прежде, чем на небосклоне еврейской и мировой истории должна была взойти звезда Давида, предстояло закатиться звезде первого царя Израиля Саула...

Глава 2. Певец

«И не было тогда царя у Израиля; каждый делал то, что ему нравится» (Судьи, 21:25).

Таковыми словами заканчивается «Книга Судей», и трудно даже представить, какие бурные идеологические и политические споры скрываются за этой короткой фразой.

Ворвавшись под предводительством Иисуса Навина в Ханаан, который, как они истово верили, был обетован Богом еще их праотцам, 12 еврейских племен так и не смогли или не захотели выполнить завещание своего великого вождя Моисея о тотальном уничтожении всех живущих там народов. Часть из них они действительно изгнали из родных мест, а часть просто потеснили, расселившись на малозаселенных до того землях и более-менее мирно сосуществуя со своими соседями.

Больше всего к тому строю, которым жили евреи в период с XIII по X век до н. э. подходит определение историка П. Джонсона «племенная теократическая демократия». В своей повседневной жизни во всех вопросах евреи старались следовать законам Торы – «Пятикнижия Моисеева», – а также тем толкованиям, которые давали знатоки этих законов. Обладавшие непререкаемым авторитетом в своем колене-племени, а порой и во всем народе эти знатоки, называемые судьями, не только разрешали любые спорные вопросы, но и были фактическими духовными, политическими, а подчас и военными лидерами народа.

В час войны общепризнанный судья собирал народное ополчение и либо сам возглавлял армию, либо доверял командование ею более сведущему в военных вопросах человеку, оставаясь при нем в роли своеобразного «политрука». Большая же часть вопросов, касающихся жизни нации, решалась путем голосования на советах – совете той или иной деревни, совете старейшин колена, общенародном совете старейшин, так что при желании можно сказать, что «советскую власть» придумали древние евреи.

При этом время от времени в самом народе возникала идея о необходимости централизации власти в руках одного сильного и мудрого лидера и провозглашения монархии.

«Книга Судей» рассказывает, как предложение провозгласить себя царем было сделано великому вождю и полководцу Гидеону: «И сказали израильтяне Гидеону: владей нами и сын твой, и сын сына твоего, ибо ты спас нас от руки мадианитян» (Судьи, 8:22). Однако для такого убежденного сторонника народовластия и глубоко верующего человека, как Гидеон, это предложение оказалось неприемлемо. «Ни я не буду владеть вами, ни мой сын не будет владеть вами; Господь да владеет вами» (Судьи, 8:23), – ответил Гидеон.

Диалог этот чрезвычайно показателен для идеологических противоречий, которые разрывали еврейское общество того времени.

С одной стороны, на примере своих соседей евреи видели, что монархический строй и основанное на нем централизованное государство со всеми его институтами позволяет куда более эффективно отстаивать границы родной земли, а при достаточной силе даже вести захватнические войны; граждане в этом государстве во многих смыслах чувствуют себя куда более защищенными, чем при той самой теократической демократии, при которой они уже жили несколько столетий. Сама необходимость установления монархии, напоминали ее сторонники, была предусмотрена еще Моисеем – ведь в его Торе ясно сказано: «Поставь над собой царя, которого изберет Господь, Бог твой».

Однако противники этой идеи напоминали, что царская власть неминуемо связана с поборами, принудительными работами, тиранией – всем тем, от чего евреи бежали из Египта. По самому строю национального характера идея самодержавия, необходимости абсолютного подчинения кому-либо (за исключением Бога, разумеется) была неприемлема для евреев. Единственным Царем еврейского народа, настаивали приверженцы демократии, является Гос-

подъ Бог; единственными законами, которым евреи должны подчиняться – Его законы, данные через Моисея.

Эти споры вспыхнули с новой силой в XI в. до н. э.¹³, когда племенам Израиля пришлось столкнуться с хорошо организованными, сильными и безжалостными врагами. По обосновавшимся на восточном берегу Иордана коленам периодически наносили удары необычайно усилившиеся аммонитяне. В Заиорданье с юга на еврейские населенные пункты то и дело совершали жестокие набеги филистимляне и амалекитяне, а с севера на евреев надвигались арамеи, называемые в Синодальном переводе сирийцами.

Евреи были не только менее организованы, но и находились на куда более низкой стадии развития материальной культуры, чем их противники. К примеру, в то время, как филистимляне уже всюду пользовались железным оружием и орудиями труда, евреи, по сути дела, продолжали жить в бронзовом, а частично и в каменном веке; железный меч или железный наконечник плуга были у них большой редкостью. Поэтому вряд ли стоит удивляться, что еврейские колена в ту эпоху терпели одно поражение за другим и переживали все новые национальные унижения. Дело дошло до того, что в какой-то момент филистимляне захватили главную еврейскую святыню – Ковчег Завета и поместили ее в храме своего бога Дагона.

В последней четверти XI в. до н. э. на небосклоне еврейской истории появляется фигура Самуила – великого пророка, духовного и политического вождя нации. Убедив израильтян, что все их беды проистекают от недостаточной веры в Бога и отступления от Его заповедей, Самуил сумел объединить народ, воодушевить его верой в поддержку Всевышнего и нанес целый ряд ощутимых ударов по филистимлянам. Однако эти его победы, как ни странно, лишь укрепили евреев в мысли о необходимости провозглашения царя.

На одном из заседаний Верховного Совета старейшин всех колен Израиля его члены потребовали от Самуила «поставить над ними царя». «И не понравилось это слово Шмуэлю» – пророк попытался убедить членов Совета отказаться от этой идеи, красочно расписывая вся тяготы самодержавия: «И сказал: вот каковы будут обычаи царя, который будет царствовать над вами: сыновей ваших возьмет он и приставит к колесницам своим и к всадникам своим, и будут они бегать пред колесницами его; И поставит одних у себя тысяченачальниками и пятидесятиначальниками, а другие будут пахать пашни его и жать жатву его, и делать ему воинское оружие и принадлежности для колесниц его. А дочерей ваших возьмет в составительницы благовоний, стряпухи и булочницы. А лучшие поля ваши, и виноградники ваши, и масличные сады ваши возьмет он и отдаст слугам своим. И от посевов ваших и от виноградников ваших возьмет он десятую часть и отдаст царедворцам своим и слугам своим. И рабов ваших, и рабынь ваших, и лучших ваших юношей, возьмет он и использует для своих работ. Возьмет он десятую часть мелкого скота вашего; и сами вы ему будете рабами. И возопиете вы в тот день из-за царя вашего, которого вы избрали себе, но не ответит вам Господь в тот день» (См. 1, 8:10-18).

Однако жаждущие прежде всего спокойствия и безопасности старейшины не желают прислушиваться этим доводам: «Но не хотел народ внимать голосу Шмуэля и сказал: нет, только царь пусть будет над нами. Тогда будем и мы, как все народы; и будет судить нас царь наш, и будет выходить пред нами и вести все войны наши» (См. 1, 8:19-20).

В итоге сам Бог велит Самуилу выполнить волю народа, посылает к нему в дом Саула, представителя колена Вениаминова и дает указание помазать его на царство, возлив ему на голову елей – настоящее на благовониях оливковое масло. Затем, повествует Библия, на народном собрании в Мицпе Самуил бросает жребий, призванный указать на колено, из которого следует избрать царя, и жребий указывает на колено Биньямина. Жребии по определению

¹³ По мнению т. н. «академических ученых»; как будет показано ниже, еврейские религиозные авторы относят эти события к IX вв. до н. э.

рода и семьи будущего царя указывают на колено Киша, а жребий, брошенный на мужчин этой семьи – на Саула.

Библия оставила нам описание внешнего облика первого израильского царя: Саул был необычайно красивый, статный мужчина, на голову выше всех остальных евреев, то есть его роста составлял примерно 1.85-1.90 м.

Став царем, Саул вместе со своим старшим и любимым сыном Иоанафаном (Ионатаном) создал небольшую, но хорошо обученную регулярную армию из 3000 бойцов, которая могла эффективно отражать набеги соседних народов. Когда же приходилось выходить на большую войну, Саул собирал народное ополчение. В качестве своей столицы Саул избрал родной город Гиву.

Вместе с тем и из «Книги Судей», из других книг Библии явственно следует, что монархия у древних евреев с самого начала носила ограниченный характер. Царь ни в коем случае не был вершителем закона и всех судеб нации. Как и все остальные граждане страны, он обязан был подчиняться законам Моисея и в случае нарушения того или иного из них мог быть отдан под суд. Фактически у него не было законодательной власти, его судебная власть была ограничена и все важнейшие вопросы, касающиеся жизни нации, включая вопросы войны и мира, он должен был решать не сам, а в соответствии с мнением Бога, передаваемым либо через его пророка, либо через «урим» и «тумим» – камни-оракулы на нагруднике первосвященника, высвечивающие ответ Бога на тот или иной вопрос.

Таким образом, еврейский царь, будучи военным и политическим лидером нации обязан был во всех судьбоносных вопросах подчиняться ее духовному лидеру – пророку, находящемуся на прямой связи с Богом.

Саул в целом, безусловно, признавал этот принцип, однако порой позволял себе выполнять указания Самуила далеко не так скрупулезно, как тот этого от него ждал. А значит – с точки зрения еврейской традиции – далеко не всегда выполнял волю самого Всевышнего так, как Тот от него требовал. Это приводило ко все большему напряжению во взаимоотношениях между Самуилом и Саулом, однако подлинно поворотным пунктом в этих взаимоотношениях стала история с царем амалекитян Агагом.

Надо заметить, что амалекитяне считались одним из самых диких и жестоких народов Ближнего Востока. Евреи столкнулись с ними впервые во время выхода из Египта, когда амалекитяне напали и перебили наиболее слабых стариков, женщин и детей, отставших от общей колонны людей. С тех пор этот народ стал для евреев символом жестокости и патологического антисемитизма, и ряд последовавших за Исходом событий укрепили их в этом мнении. Поэтому не удивительно, что одно из первых указаний, данных Самуилом Саулу заключалось в объявлении войны амалекитянам и полном, тотальном уничтожении этого народа от мала до велика вместе с его скотом и всем имуществом.

Первую часть указания пророка Саул выполнил: напав на амалекитян, он наголову разбил их, убил всех захваченных в плен мужчин, большинство женщин и детей, но... пощадил царя амалекитян Агага и пожалел зря закалывать скот, решив оставить его в живых в качестве добычи.

Когда Самуил появился в лагере Саула и узнал, что тот из милосердия оставил в живых злейшего врага народа Израиля, он пришел в ярость и спросил царя, по какому праву тот нарушил указание Бога?

Саул начинает оправдываться, говорить, что он, в принципе исполнил все, что сказал ему Самуил, одержал победу над амалекитянами, а если в чем-то его и не послушал, то лишь в малом. К тому же он хотел как лучше – ведь скот можно использовать для жертвоприношений Господу.

Однако Самуил отвергает эти оправдания. «Ведь послушание лучше жертвы, повиновение лучше тука овнов», – отвечает царю Самуил и дальше сообщает ему, что за отказ выполнить волю Бога Тот решил лишить Саула и его потомков права на царскую власть.

Сразу после этого Самуил решает демонстративно покинуть царский стан, однако Саул, понимая, что такой уход пророка подорвет его авторитет и приведет к расколу в народе, умоляет Самуила вернуться. Пророк возвращается и лично убивает царя Агага, рассекая его на глазах всей дружины Саула мечом.

Таким образом, мир между царем и пророком вроде был восстановлен, но это не отменило приговора Небес, вынесенного Саулу за непослушание:

«Тогда сказал ему Шмуэль: сегодня отторг Господь царство Израильское от тебя и отдал его ближнему твоему, который лучше тебя. А Предвечный Израэля не солжет и не раскается, ибо не человек Он, чтобы раскаяться» (См. 1, 15:28-30).

С этого момента и близится к своей развязке история царя Саула и начинается история царя Давида. И все же какое-то время они шествуют по жизни вместе, и их судьбы в итоге оказываются неразрывно слиты в памяти человечества.

* * *

Историки и, особенно, апологеты библейской критики, разумеется, дают свое объяснение и конфликту между Саулом и Самуилом, и всем последовавшим за ним событиям. Но прежде, чем мы познакомимся с их точкой зрения, стоит взглянуть на все происходившее глазами тех самых источников, на которых, собственно говоря, и базируются все версии ученых, популяризаторов Библии, а порой и – что там скрывать – откровенных спекулянтов от науки.

Если верить «Книге Самуила», вынесенный Богом приговор, лишаящий Саула и его потомков права на царствование над Израилем, стал полной неожиданностью не только для самого царя, но и для пророка. Самуилу, вне сомнения, был дорог Саул. Настолько дорог, что пророк никак не мог понять, почему Бог, Сам определяющий себя как «Всемиловитейший и Всепрощающий» отказывается простить Своего помазанника, тем более после того, как Саул признал свою ошибку и раскаялся?! О, как бы он хотел встретиться с Саулом для того, чтобы принести ему благую весть о том, что он прощен и снова любим Богом!

«Скорбя» о Сауле, Самуил вновь и вновь обращался к Господу с просьбой простить царя, и каждый раз получал отказ. Единственное обещание, которое он получил Свыше в ответ на свои молитвы, состояло в том, что ему не будет дано увидеть гибель Саула и его дома – это произойдет уже после его смерти.

Одновременно Самуил не мог не понимать, что и царь не примет и не смирится с этим приговором Небес. Вернее, Саул наверняка начнет убеждать себя в том, что слова Самуила о вынесенном ему Свыше приговоре исходят не от Бога, а исключительно от желающего отомстить ему за непослушание Самуила. А значит, он неминуемо начнет подозревать Самуила в политических интригах, в попытке организовать заговор для того, чтобы сбросить его с престола и возвести на него человека, полностью послушного его воле.

Отсюда же неминуемо следовало, что теперь Саул начнет следить за каждым его шагом и при первом же удобном случае попытается обвинить Самуила в измене и попытке переворота и казнить его.

В связи со всем этим становится окончательно понятен уже цитировавшийся нами отрывок из «Книги Самуила»: «И сказал Господь Шмуэлю: доколе будешь ты скорбеть о Шауле?! Я же признал его недостойным царствовать над Израилем. Наполни рог твой елеем и ступай – пошлю Я тебя к Ишаю Бейт-лехемскому, ибо между сыновьями его усмотрел Я Себе царя. И сказал Шмуэль: как я пойду? Ведь услышит Шаул и убьет меня. И сказал Господь: телицу возьмешь ты с собою и скажешь: принести жертву Господу пришел я. И пригласишь Ишая к

жертве, а Я дам знать, что делать тебе, и помажешь Мне того, о ком я скажу тебе. И сделал Шмуэль то, что сказал Господь, и пришел в Бейт-Лехем; и поспешили к нему старейшины города, и сказали: мир приходу твоему! И сказал он: мир! Пришел я принести жертву Господу; приготовьтесь и приходите со мной на жертвоприношение...» (См. 1, 16:1-5).

Таким образом, услышав повеление Господа направиться в Вифлеем, чтобы помазать там нового царя, Самуил пугается, так как понимает, что об этом немедленно станет известно Саулу. И тогда Бог подсказывает ему предлог, под которым он может явиться в Вифлеем – для жертвоприношения, которое в ту эпоху можно было совершать в любом месте.

Однако старейшины Вифлеема, конечно же, слышали о конфликте Самуила с царем. Они понимают, что его приход отнюдь не случаен; что за желанием пророка принести жертву именно в их деревне кроется что-то еще, а потому и спрашивают Самуила, мирен ли его приход, не принесет ли он им неприятности?

Самуил в свою очередь совершает обещанное им жертвоприношение, и когда жители Вифлеема начинают лакомиться мясом закланной в жертву телицы, просит пригласить к себе Иессея вместе со всеми его сыновьями:

«И подготовил он Ишая и сыновей его, и пригласил их на жертвоприношение. И было, когда они пришли, увидел он Элиава и сказал: верно этот пред Господом помазанник Его. Но Господь сказал Шмуэлю: не смотри на вид его и на высокий рост его, ибо Я отверг его: ведь суть не в том, что видит человек, ибо человек видит глазами, а господь видит то, что в сердце. И позвал Ишай Авинадава и провел его пред Шмуэлем, и сказал тот: и этого не избрал Господь. И провел пред ним Ишай Шамму, и сказал тот: и этого не избрал Господь. И провел Ишай семерых сыновей своих перед Шмуэлем, но Шмуэль сказал Ишаю: не избрал этих Господь. И сказал Шмуэль Ишаю: нет больше отроков? И сказал тот: еще остался меньший, вот он пасет овец. И сказал Шмуэль Ишаю: пошли за ним и приведи его сюда, ибо мы не сядем за трапезу, пока он не придет сюда. И послал тот, и привели его. А он был румяный, с красивыми глазами и миловидный. И сказал Господь: встань, помажь его, ибо это он. И взял Шмуэль рог с елеем, и помазал его среди братьев его, и снисходил дух Господень на Давида с того дня и позже. И встал Шмуэль, и пошел в Раму...» (См. 1, 16:1-14).

Едва Самуил взглянул на старшего и любимого сына Иессея Елиава (Элиава), рассказывает мидраш, он мгновенно решил, что тот и есть новый избранник Господа. Высокий, красивый Елиав внешне чем-то напоминал Саула. Однако когда пророк наклонил свой наполненный доверху елем рог, чтобы «помазать» Елиава, из него не вытекло ни капли – масло вдруг словно превратилось в густую смолу.

В это время Самуил и слышал голос Бога, в котором явно слышалась насмешка: «И ты называешь себя провидцем?! Из того, что он высок и красив, ты заключил, что он подходит на роль царя?! Нет, оценивать человека следует не по его внешнему облику, а по тому, что у него в сердце, и вот это-то как раз в полной степени могу делать только Я!».

Мидраш добавляет, что одним из главных пороков Елиава была зависть – он до конца своих дней так и не смирился с тем, что избранником Небес стал не он, а презируемый им младший брат.

Так одного за другим подводит Иессей своих сыновей к Самуилу, каждый из них становится перед ним на колени, но масло упорно отказывается литься из рога пророка.

Наконец, после того, как неподходящим для помазания был признан и последний, седьмой из приведенных Иессеем сыновей, Самуил растерянно спрашивает его, нет ли у него еще какого-либо сына?

– Есть еще один, – отвечает на это Иессей, – самый младший. Правда, я так толком и не знаю, сын он мне или нет, так что за одним столом с нами он не ест, да и сейчас занимается тем, к чему приставлен – пасет скот.

Самуил велит позвать к нему и этого, младшего сына, и когда Давид предстает перед ним, то... в ужасе отшатывается: «А он был румяный, с красивыми глазами и миловидный...»

Дело в том, что слово «адмони», которое переводчики Библии обычно переводят как «краснолицый», «румяный» и т. д., имеет в иврите множество значений. При желании его можно перевести и как «рябой» или «рыжий». В еврейском народном сознании как раз утвердился именно последний вариант – считается, что царь Давид был невысоким, рыжеволосым, с голубыми глазами и лицом, усыпанным веснушками.

Однако, согласно Библии, рыжий цвет волос как раз не был характерен для евреев. Рыжих в ту эпоху среди них почти не было. Праотец еврейского народа Иаков внешне как раз и отличался от своего брата-близнеца Исава, прежде всего, цветом волос и кожи: Исав, говорит Библия, был «адмони», то есть либо краснолицым, либо рыжим, либо рябым, и сам этот его внешний облик, присутствие в нем красного оттенка, отражал жестокость и кровожадность его натуры. Об этом и вспомнил Самуил, когда к нему подвели Давида. Вспомнил и заподозрил, что этот сын Иессея может быть так же легко склонен к убийству и кровопролитию, как и Исав. В самой красоте Давида, в его пышущем силой и здоровьем облике для Самуила поначалу было что-то пугающее и отталкивающее, а потому, продолжает мидраш, он замешкался, отошел в сторону и, возможно, даже присел на камень. Но в этот самый момент масло потоком полилось на землю из переполненного рога и...

«И сказал Господь: встань, помажь его, ибо это он. И взял Шмуэль рог с елеем, и помазал его среди братьев его, и снисходил дух Господень на Давида с того дня и позже...» (См. 1, 16:12-13).

Так был избран и помазан на царство будущий царь Израиля. Оставалось только понять, каким образом он сможет предъявить свои претензии на него и убедить в их законности народ – ведь ни Самуил, ни тем более Иессей и его дети не собирались никому рассказывать о том, что делал пророк в Вифлееме, так как для всех них это было сопряжено со смертельной опасностью.

* * *

В тот самый момент, говорят комментаторы Библии, когда Самуил помазал Давида и на него снизошел «Дух Божий», этот же Дух отошел от Саула, и тот мгновенно это почувствовал.

Сам обряд помазания царя, объясняют эти комментаторы, имеет двойной смысл. С физической точки зрения он означает, что так же как елей, это насыщенное благовониями благородное оливковое масло, всегда всплывает над поверхностью воды и не смешивается с ней, так же и царь возвышен и в определенном смысле отделен от всего остального народа. С мистической же точки зрения в момент изливания масла на голову царя на него изливается и «Дух Божий» – особая эманация Всевышнего, придающая ему силы, поддерживающая его бодрость духа и остроту мышления, не свойственные обычным людям.

Поэтому, утверждают эти комментаторы, не стоит удивляться тому, что как только Дух Божий сошел на Давида, он отошел от Саула, и тот мгновенно это почувствовал. А, почувствовав, понял, что Самуил исполнил свою угрозу и помазал на царствование кого-то другого. Поэтому сами последующие слова «Книги Самуила» «От Шаула же отступился дух Господень и страшил его злой дух от Господа» (См. 1, 16:14) с этой точки зрения не следует понимать, как то, что на царя сошел некий новый «злой дух» – нет, Саул чувствовал себя плохо именно потому, что ему крайне не хватало того ощущения, которое было у него, когда он был удостоен «Духа Божьего» в качестве Его помазанника.

Впрочем, наиболее рационалистические комментаторы убеждены, что все можно объяснить куда проще: с момента размолвки с Самуилом Саул вновь и вновь возвращался к его словам о том, что Бог лишил его права на престол. Мысль, что и он сам, и вся его семья обречены

на гибель, постоянно изводила его и доводила до исступления. В то, что таков и в самом деле Небесный приговор Саул, как уже было сказано, не верил, или, точнее, не хотел верить. Все его помыслы были теперь сосредоточены на том, что он должен вовремя раскрыть плетущийся Самуилом заговор и уничтожить того, кого пророк прочит ему в преемники – так как Саул, видимо, считал, что этот преемник и принесет гибель ему и его сыновьям.

Страшные картины возможного уничтожения его семьи, беспрестанные попытки разгадать, кто же из его ближайшего окружения плетет заговор – все это привело к тому, что Саул постоянно пребывал в самом мрачном настроении духа и у него развился маниакально-депрессивный синдром.

Приступы ярости сменялись у царя периодами, когда он пребывал в меланхолии и либо часами сидел молча, погружившись в себя, либо опускался на колени и начинал биться в рыданиях, умоляя Бога простить его. Чтобы облегчить его состояние, придворные начали искать искусного музыканта, который бы своим пением и игрой на арфе сумел бы отвлечь его от дурных мыслей.

Историки медицины подтверждают, что в те времена приятная, успокаивающая музыка считалась главным средством исцеления от психиатрических заболеваний, да и сегодня ряд психиатров верят в эффективность так называемой «музыкотерапии», так что этот рассказ Библии выглядит вполне достоверным. Когда были начаты поиски такого музыканта, один из оруженосцев Саула, бывший родом из Вифлеема, и вспомнил, что в его родном городе живет пастух, удивительно хорошо умеющий играть на разных инструментах, да к тому же и сам сочиняющий песни:

«И сказали слуги Шаула ему: видно же, что злой дух от Бога страшит тебя. Пусть же прикажет господин наш стоящим перед тобою слугам своим, чтобы отыскали человека, умеющего играть на гуслях, и будет, когда настанет на тебя злой дух от Господа, заиграет он рукою и станет привольнее тебе. И сказал Шаул слугам своим: высмотрите мне человека, хорошо играющего, и приведите ко мне. И отозвался один из отроков и сказал: «Вот видел я сына у Ишая Бейтлехемского, умеющего играть, молодца бравого и воинственного, смышленного и миловидного и Господь с ним. И отправил Шаул послов к Ишаю, и сказал: пошли ко мне Давида, сына твоего, который у овец. И взял Ишай осла с хлебом и мех вина и козленка одного, и послал с Давидом, сыном своим к Шаулу. И пришел Давид к Шаулу, и представился ему; и сей возлюбил его очень, и стал тот у него оруженосцем. И послал Шаул к Ишаю сказать: пусть состоит Давид при мне, ибо он нашел благоволение в глазах моих. И бывало, когда находил дух от Бога на Шаула, то брал Давид гусли и играл рукою, и стало привольно Шаулу, и становилось ему лучше, и дух злой отступал от него» (См. 1, 16:15-23).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.